

ОЧАРОВАНИЕ «РЕГУЛЯРСТВА»
ЕЩЕ РАЗ О “МЕНТАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ” ПЕТРА ВЕЛИКОГО
Часть 1. ПЕТР I: ИНТЕЛЛЕКТ И ПСИХОЛОГИЯ МЫШЛЕНИЯ*

Исследование посвящено истории эволюции воззрений Петра I на проблемы государственного и общественного развития. В первой части статьи доказывается, что, несмотря на преобладающие в литературе представления о неспособности русского царя к концептуальным обобщениям, он обладал достаточным интеллектуальным потенциалом для подобного рода творчества. Во второй части автор статьи объясняет отсутствие у Петра I какого-либо общего плана реформ в период с 1690-х по конец 1710-х гг. тем, что в эти годы царь и не преследовал цели всеобщих преобразований, поскольку главным объектом его внимания была реформа вооруженных сил, а изменения в системе управления и организации экономики были лишь функцией этой реформы. Целостный и идеализированный взгляд на проблемы государственных реформ, который автор называет «ментальным (воображаемым) государством» Петра Великого, сложился у монарха в последние годы жизни в результате успешной военной реформы, а также знакомства с обширным и разнородным западным ренессансным и барочным литературным массивом. Это не была теория государства, но некая концепция государственного строительства, основанная на достаточно глубоком и последовательном усвоении царем постулатов раннего европейского камерализма. Она была изложена им в цикле именных указов, уставов и регламентов 1718–1724 гг., который следует рассматривать в качестве авторского мегатекста Петра. Одновременно, эта концепция стала играть роль государственной идеи, заменившей для российской правящей элиты традиционную идею созидания священного царства. Нереализованные при жизни первого российского императора, сформулированные им концептуальные положения стали программным ориентиром государственного строительства и общественного развития на столетие вперед.

Ключевые слова: *Петр I, «ментальное государство», прагматическое мышление, концепция, государственное строительство, государственная идея, общественное благо, камерализм*

Восемь лет назад, в Париже, на конференции «Pierre le Grand et l'Europe des sciences et des arts: Circulations, réseaux, transferts, métissages (1689–1727)», мне довелось выступить с докладом на тему: «“Ментальное государство” Петра Великого и культура управления». В этом докладе я впервые сформулировал этот конструкт – «ментальное государство». Во всяком случае, мне неизвестно, чтобы он кем-то использовался, тем более в применении к конкретным историческим обстоятельствам. Впоследствии я оформил доклад в статью, но её судьба сложилась неблагоприятно. Она была опубликована в виде параграфа главы в многотомном издании «Памятники российского права» в 2014 г.¹ Серия, предназначенная для юристов, похоронила текст для историков, и «ментальное государство» Петра Великого кануло в небытие. Тем не менее,

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-09-42022 «“Ментальное государство” Петра Великого и эксперименты регионального администрирования. Первая четверть XVIII в.».

¹ Редин 2014: 62–112.

последующие годы работы над различными сюжетами истории Петровского царствования укрепили меня в мысли о продуктивности конструкта, позволили найти новые грани его смысла, дополнили наблюдения свежим эмпирическим материалом, но, одновременно, возникла потребность в расширении и укреплении аргументации моих рассуждений. В конечном итоге появилась настоящая статья, значительно отличающаяся от первоначального варианта.

Слово «ментальный» в самом общем смысле трактуется в современном русском языке как «относящийся к уму, к умственной деятельности»². С более специфическим акцентом объясняет его «Большой толковый словарь терминов по психиатрии»: «1. Относящийся к психике; 2. Относящийся к интеллекту»³. Исходя из этого, под «ментальным государством» я понимаю сконструированную идеальную модель государства, ставшую результатом умственной, интеллектуальной деятельности, плодом обобщенного практического и теоретического опыта. Эта модель по большому счету отличается степенью и глубиной рефлексии как от бытовых, профанных стереотипов о государстве с одной стороны, так и от различного рода «теорий государства» – с другой. Первые бытуют в массовом сознании: каждый человек, так или иначе, обладает своими, зачастую смутными, неупорядоченными и фрагментарными представлениями о государстве (власти) и своих отношениях с ним (претензиях к нему, благоговению перед ним и проч.). Вторые имеют «кабинетный» характер, являются плодом профессиональной деятельности юристов-цивилистов, философов, политологов и т.п. Таким образом, вводя конструкт «ментального государства» относительно петровской эпохи, я отвожу ему роль среднего звена в этой шкале рефлексий о государстве; *светской политической концепции*, чье появление, на мой взгляд, было вызвано как уникальной исторической ситуацией, в которой оказалась Россия на рубеже XVII–XVIII столетий, так и личностными характеристиками её лидера – царя Петра I. Предприняв грандиозные усилия по преобразованию всех сторон общественной и государственной жизни, он был вынужден взять на себя роль не только практика (политика, полководца, организатора производства и т.п.), но и *идеолога* преобразований – роль, которую в странах европейского Запада, имевших долгую традицию «воспитания интеллекта», играли выпускники университетов. Поэтому, говоря о Петре как идеологе реформ и авторе *вербально* выраженной концепции государства, целесообразно начать разговор с рассуждений о его интеллектуальном потенциале, о самой способности Петра к такого рода умственной работе. Это намерение обусловлено прежде всего закрепившимся в общественном сознании стереотипным образом первого российского императора. В «музее исторических марионеток» он, скорее, с топором, чем с пером: рубит корабль, рубит голо-

² Ожегов, Шведова 2005: 350.

³ Жмуров, 2010.

вы стрельцам, прорубает «окно в Европу» – «царь-плотник», но не интеллектуал, не «философ на троне» (это место прочно занято другим манекеном). Пусть даже и «отец Отечества», и «демиург», но в таком древнем смысле, в поту и в крови прививающий подданным полезные знания и навыки. Созидатель – да, мыслитель – едва ли.

Так был ли Петр интеллектуалом? Ответить на этот вопрос сходу не получается. Во-первых, само понятие «интеллектуал» позднего происхождения. Во-вторых, оно обременено множеством коннотаций⁴, которые едва ли позволяют применять его к людям типа первого российского императора. Пожалуй, главное тому препятствие – оппозиционность как качество, неизменно присущее «настоящему» интеллектуалу. Об этом много написано, но в концентрированном виде выражено в редакционной статье журнала «Отечественная история» за 2005 г., в номере, посвященном обсуждению темы «Власть и интеллект в императорской России»: «...“интеллектуалы” (служащие и не служащие) во все времена упорно проявляли и порой даже подчеркнуто демонстрировали свою независимость от власти...»⁵. С этой точки зрения Петр не мог быть интеллектуалом, хотя бы потому, что сам являлся властью.

Мне ближе позиция И.В. Ружицкой, которая заметила, что при такой трактовке происходит некоторая подмена понятий, «интеллектуал» превращается в «интеллигента», ассоциируется «с господствующим в российском обществе уже более столетия стереотипом “интеллигентного человека”», определяемого не только по уровню полученного им образования, но и по нравственным установкам и даже манере поведения»⁶. Полагаю, что такое смешение или совмещение понятий очень ограничивает инструментальные возможности научного исследования интеллектуальных традиций как таковых, в тех широких социокультурных контекстах, включающих, в том числе, анализ средств и способов формулирования идей в конкрет-ных текстах и судеб творцов этих текстов, о чем писала Л.П. Репина⁷. При таком подходе нам придется, например, вычеркнуть из «списка интеллектуалов» Екатерину II, оставив там Н.И. Новикова. Да что Екатерина – под сомнением соответствия интеллектуальному «стандарту» окажутся все западные правые интеллектуалы неоконсервативного толка, вполне себе интегрированные с властью.

Выход из ситуации – поиск иных рамочных критериев, отличающих интеллектуалов от не-интеллектуалов. По этому пути идут сейчас историки, изучающие интеллектуальную составляющую жизни и службы русских чиновников XIX в.: Н.П. Матханова, предложившая определение «чиновники-интеллектуалы»⁸, И.В. Ружицкая, много лет исследовавшая историю «просвещенных бюрократов» – высших сановников

⁴ Фадеева 2012: 108–138.

⁵ Отечественная история 2005: 4.

⁶ Ружицкая 2005: 42.

⁷ Репина 2011: 380.

⁸ Матханова 2018: 21–35.

империи первой половины того же века, в частности, бар. М.П. Корфа⁹, а применительно к интересующей нас теме – О.Г. Агеева¹⁰ и др. Под интеллектуалами эти авторы понимают, опираясь на словарные определения (т.е. на семантическую основу *слова*, а не на дискурсивные коннотации *понятия*), людей, занимающихся «высшими, наиболее сложными видами умственной деятельности», людей, обладающих способностью произвести собственный «интеллектуальный продукт». С этой позиции Петр I без сомнения может быть отнесен к интеллектуалам. Его природный ум, литературная одаренность, необычайная широта кругозора, стремление к постоянному саморазвитию, начитанность, чрезвычайно богатые речевые способности неоднократно отмечались современниками, признавались практически всеми историками и находят подтверждение в лингвистических и культурологических исследованиях.

Казалось бы, при наличии такой обильной и влиятельной литературы доказывать способности царя Петра к интеллектуальной деятельности все равно что ломиться в открытую дверь. Но дело в том, что, признавая выдающиеся умственные дарования первого русского императора, порой – гениальность, немало историков отказывают ему в умении синтезировать полученные знания в большую систему, в некую программную идею, четко выраженную мировоззренческую концепцию, а более конкретно – в формулировании завершенной и цельной программы реформ. Среди тех, кто придерживался такого мнения – специалисты очень высокого уровня, принадлежавшие к лучшим знатокам эпохи, начиная от М.М. Богословского, проводившего эту мысль через ряд своих исследований («Общие понятия и отвлеченные идеи ему не давались...»¹¹, у Петра «никогда не было общего, заранее обдуманного и соображенного плана реформы, общей идеи о реформе как таковой»¹²) до Н.И. Павленко (писавшего о «хаотичном и поспешном» характере петровских преобразований, отсутствии у него «продуманного плана»¹³), Х. Баггера (Петр «так и не стал теоретиком»¹⁴), отчасти В.И. Буганова¹⁵ и Е.В. Анисимова, отмечавших бессистемность и хаотичность процесса реформ («реформы не согласовывались между собой, и создаваемые элементы новой государственной и социальной структуры долгое время не сочетались в единое целое»¹⁶), хотя и признававших, что в последний период Петровского царствования они, все-таки, стали складываться в некую систему. Неоднозначность оценок Петра в этом смысле, думается, проистекает от того, что, во-первых, историки, как правило смешивают *представления* царя о государстве (дискурсивный

⁹ Ружицкая 2005: 38–44, Ружицкая 2009.

¹⁰ Агеева, 2005: 5–12.

¹¹ Цит. по: Богословский 2008: 218.

¹² Цит. по: Шмидт 2005: 427–428. (здесь и далее выделено мной – Д.Р.)

¹³ Павленко 1990: 442.

¹⁴ Баггер 1999: 140.

¹⁵ Буганов 1989: 129.

¹⁶ Анисимов 1995: 137, 141.

аспект) и его *практическую реформаторскую деятельность* (как набор действий и их результат). Между тем и другим, несомненно существовала взаимосвязь, но было и много различий. Одно дело – декларации и устремления, другое – их воплощение в жизнь. Во-вторых, эти оценки являются результатом еще одного исходно неверного посыла: оппозиционного противопоставления практического и теоретического (если Петр практик и прагматик, то он по определению не способен на концептуальное обобщение); из понимания иерархической взаиморасположенности практического и теоретического мышления, где второе всегда оказывается явлением более высокого порядка, чем первое.

Проследить развитие воззрений Петра I на проблемы государственного строительства, вычленив в этом процессе идеологическую составляющую, выявить источники влияния, формировавшие концептуальные предпочтения царя в этом вопросе, очень непросто потому, что (как ни парадоксально) обо всем этом так или иначе написано очень много. Но написанное рассредоточено и не систематизировано, точнее, попыток такой систематизации гораздо меньше, чем упоминаний о тех или иных аспектах идейных и концептуальных исканий Петра. В результате, в петроведческой историографии накопилось множество «общих мест», стереотипных оценок, некоего «информационного шума», которые приводят либо к противоречивым выводам, вроде вышеупомянутых (необычайно грамотный и начитанный человек, но неспособный к обобщениям; гений, но не «теоретик» и т.п.), либо к априорным и не менее противоречивым заключениям (Петр Великий – чуть ли не адепт теорий Гоббса, Гроция и Пуфендорфа, но при этом «технократ» и «прагматик»), создающих при этом ощущение того, что тема закрыта. В то же время некоторым, в принципе, верным наблюдениям и оценкам деятельности и направления мысли царя-реформатора не хватает аргументированности; эти оценки выглядят, скорее, как плод интуитивных ощущений авторов. Разбираться в этих историографических дебрях – труд утомительный и неблагодарный, чреватый сползанием в гибельные трясины банальности и повторов. Но обращение к письменному наследию императора, особенно к текстам его указов, рассмотренных не столько как законодательные акты, сколько как *нарратив*, контекстуальный анализ его круга чтения, обращение к исследовательскому арсеналу смежных дисциплин делают попытку выяснения эволюции политического и морального дискурса Петра не таким уж безнадежным и унылым занятием.

Как формировались особенности мышления Петра I и в чем, собственно, они заключались? Практически все биографы и исследователи петровской эпохи констатировали особый интерес царя к техническим и естественнонаучным дисциплинам. О.Г. Агеева, характеризуя этапы обучения русского монарха отметила, что очень рано, в юношеском (по меркам времени) возрасте 15–16 лет он начал получать «свое второе образование – иное по типу (техничко-математическое) и характеру (западноевропейское)», имея в виду под первым образованием традиционное

русское, освоенное им в детстве¹⁷. Современники отмечали, что полученные царем знания имели основательный характер и широкий диапазон. Несколько модернизируя, можно сказать, что Петр стал первым русским монархом – дипломированным специалистом технического профиля, поскольку обладал дипломами корабельного и часового мастера. Аттестат, или патент корабельного мастера, полученный Петром от Г.К. Поола в 1697 г. на Амстердамской верфи Ост-Индской компании, свидетельствовал не только о приобретенных практических навыках при строительстве фрегата «Апостолы Петр и Павел», но и о том, что Петром была освоена «корабельная архитектура» и «черчение планов», т.е. теоретическая часть знаний, необходимых мастеру-корабелу¹⁸. Известно также, что в конечном итоге Петр остался не удовлетворен именно теоретическим уровнем голландского кораблестроения и, перебравшись в Англию, еще 3 месяца получал недостающие познания на лондонских верфях¹⁹. Стремление царя к глубокому усвоению интересовавших его наук хорошо известно и по его дальнейшим поступкам.

Красноречив состав его личной библиотеки, обширной даже по европейским меркам (более чем полторы тысячи томов, не считая 1 351 наименования собраний карт, чертежей и иллюстративных материалов и нескольких сотен рукописей). Почти на половину (44,4%, если основываться на подсчетах С.П. Луппова) она состояла из книг по техническим и естественным наукам и дисциплинам от трактатов по математике и астрономии до трудов по гражданской архитектуре на различных европейских языках²⁰. Владение Петром многими ремеслами, его устойчивый интерес и основательные познания в математике, физике, военно-инженерных дисциплинах, баллистике и т.п. обычно служат доказательством узкоспециального характера его образования. Отсюда следует логический вывод относительно оценки самого характера его мышления как прагматического и даже технократического. Но надо помнить, что все эти познания легли на фундамент, как уже отмечалось, традиционного образования, гуманитарного по своей природе и, пожалуй, не менее глубокого по уровню усвоения. Известно, например, что с детских лет Петр был очень начитан в религиозной литературе, знал наизусть основные книги Нового Завета – Евангелие и Апостол, умел вести беседы на богословские темы, что отмечалось даже представителями неправославных христианских конфессий²¹, живо интересовался древней и но-

¹⁷ Агеева 2005: 6.

¹⁸ Устрялов 1858. Т. 3: 468.

¹⁹ Там же: 98.

²⁰ Луппов 1973: 170. Книжный фонд государя мог быть куда больше, если б в 1714 г. он не передал какую-то его часть в новоучрежденную библиотеку Академии наук.

²¹ В качестве одной из ранних оценок такого рода отметим принадлежащую известному богослову Дж. Бёрнету, епископу Солсбери, сделанную в письме от 19 марта 1698 г. руководителю певческой капеллы в Йорке Фалло: «Дорогой сэръ!.. После вашего отъезда, царь приезжал однажды в Ламбет, видел таинство причащения и рукоположения и остался очень доволен. Я часто бываю с ним. В прошлый понедельник, я провел у него четыре часа. Мы рассуждали о многих вещах; он обладает такой

вой историей и иностранными языками, из которых, на довольно приличном уровне, освоил голландский и немецкий. Если 44,4% книг в его библиотеке приходилось на долю естественнонаучной и технической тематики, то другие 55,6% – на долю всей остальной, из которой исторические сочинения количественно немногим уступали трудам по любимому царем военному делу (149 томов против 166), а религиозная литература превосходила общее число книг по морскому и военному делу (457 томов против 368)²². Тот равновесный интерес Петра к самому широкому кругу знания, который можно понять из общей оценки состава его личной библиотеки, тем более примечателен, если учесть, что она была не коллекцией, собранной из соображений моды и престижа: «это было *рабочее* книжное собрание», «случайных книг в библиотеке Петра было немного». Царь собирал её самостоятельно и целенаправленно, начав масштабные закупки иностранной литературы уже в ходе Великого посольства и продолжая приобретать книги крупными партиями в дальнейшем, в том числе и в самые тяжелые годы Северной войны (в 1704–1710 гг.)²³. Следует также помнить, что в то время между техническим, естественнонаучным и гуманитарным знанием не было того жесткого разграничения, которое станет свойственно наукам впоследствии, когда их развитие пойдет по пути углубления специализации. Интеллектуал раннего Нового времени был универсальным: математик и физик, бывший одновременно историком, философом и богословом – явление для эпохи не редкое. Петр, несомненно, относился к такого рода людям. Это означает, помимо прочего, что его довольно раннее и при этом основательное знание в области, например, математики, геометрии, фортификации и гражданской архитектуры не только служило прагматическим целям, но имело дисциплинирующее воздействие на сам процесс мышления и давало материал для ассоциативных умственных операций в сфере формирования представлений о политике, морали, государственном управлении. Мир упорядоченных, регулярных предметов и явлений в технических областях знания вполне мог воспитывать в мировоззрении Петра склонность к переносу таких же упорядоченных и регулярных представлений на организацию жизни государства и общества.

То, что Петр обладал возможностями мыслить ассоциациями и образами, подтверждается исследованиями его речевых особенностей. Взаимосвязь языка и мышления сегодня не нуждается в доказательствах; речь раскрывает особенности знания, сознания и процесса познания человека²⁴. Лингвистические исследования особенностей языка первого

степенью знания, какой я не ожидал видеть в нем. Он тщательно изучал св. Писание» и т.п. Цит. по: Шубинский 1888. Т. 34: 413.

²² Луппов 1973: 170. Правда, сюда входили книги из библиотек царевны Натальи Алексеевны и цесаревича Алексея Петровича, попавшие в личную библиотеку Петра после смерти владельцев в 1716 и 1718 гг. соответственно; они были владельцами книг, преимущественно, религиозной направленности.

²³ Луппов 1973: 166–177.

²⁴ Караулов 1989: 5.

русского императора, основанные на анализе его огромного, прежде всего эпистолярного, письменного наследия, показывают, среди прочего, мощную лингво-когнитивную составляющую его языковой личности и, в частности, активное и охотное использование им в речи того, что на современном научном языке называют практикой вторичных номинаций, из которых едва ли не излюбленным приемом Петра являлся метафорический перенос²⁵. И в этом смысле Петр был, по российским меркам, очень «авангарден» и, в то же время, очень современен, безусловно вписываясь в общеевропейский барочный контекст с «характерной для него игрой смыслами и принципиальной метафоричностью»²⁶. Метафоричность и образность петровских текстов, не только эпистолярных, но и проявленных в созданном им законодательстве, хорошо известны и историкам. Эти характерные черты языка Петра I, а значит и его мышления, позволяют говорить о способности этого человека к смысловому переносу опыта и знаний, полученных в рамках одних предметных полей на другие. Те историки, которые упрекают Петра за узкий прагматизм и отказывают ему в способности к теоретическим обобщениям или к созданию общей идеи реформ, не берут во внимание то обстоятельство, что, во-первых, прагматизм и рационализм как таковые являлись общими свойствами философских идей европейского Просвещения, а, во-вторых, неоправданно понижают значимость прагматизма как типа мышления, как интеллектуального качества.

Между тем, современные специалисты, занимающиеся изучением проблем психологии мышления, пришли к пониманию нескольких вещей, которые, несомненно, имеют значение для понимания специфики мышления Петра I и (что особенно важно) оценки его когнитивных способностей. Прежде всего я имею в виду наработки академика Б.М. Теплова, родоначальника школы дифференциальной психологии и его последователей, в фокусе интересов которых находится феномен практического мышления – того самого, наличие которого, по устоявшемуся мнению, не позволяло русскому царю формулировать общие идеи²⁷. Говоря о недопустимости отождествления практического мышления с эмпирическим²⁸, направленным, в основном, на познание внешних свойств и связей объектов, представители школы подчеркивают, что практическое мышление «может оперировать сложнейшими теоретическими понятиями конструкциями»²⁹, оно «направлено на преобразование (а не объяснение) действительности»³⁰. «Настоящий практик-специалист, – поясняют они, – всегда “гений целого” и “гений деталей”, соединяющий

²⁵ Подробно см.: Гайнуллина 2002.

²⁶ Успенский 1994: 174.

²⁷ На перспективность применения методов исследования Б.М. Теплова в области практического мышления, или, по её определению, «практического интеллекта», хотя и в несколько ином контексте, первой обратила внимание О.Г. Агеева. Агеева 2005: 5.

²⁸ Корнилов, Панкратов 1997: 9–10.

²⁹ Панкратов 1997: 120.

³⁰ Корнилов, Панкратов 1997: 10.

разные способы постижения себя и мира. Его мышление перерабатывает информацию, обладающую колоссальной сложностью таким образом, чтобы создать простой и ясный результат»³¹. Еще одним значимым моментом является то, что современная психология перестала воспринимать соотношение практического и теоретического мышления как уровневных, т.е. отошла от традиции, восходящей к Гераклиту и Пармениду, согласно которой теоретическое мышление считалось более «высоким», чем практическое, поскольку «истинное» знание могло быть получено только в результате «умозрения». Практическое и теоретическое мышление рассматриваются как рядоположенные, но различаемые по разным способам получения информации (сигнальный или знаковый), степени опосредованности отраженной в ней действительности (от реального объекта (презентация) или от представления об объекте (репрезентация)), её обработке и конечному интеллектуальному продукту³².

В рамках этих рассуждений главным является то, что обладатель практического мышления также способен создавать в результате своей интеллектуальной деятельности репрезентирующие (вторичные) структуры, «с тем, чтобы вместить в круг осмысливаемого максимально широкую индивидуализированную ситуацию»³³. Указанные теоретические положения вполне пригодны для понимания характера когнитивных способностей Петра I, особенностей его стиля мышления. Отмечаемый всеми историками прагматизм Петра не являлся ограничением или, тем более, препятствием в конструировании им больших генерализирующих идей, оформленных на достаточно высоком уровне обобщения. Об истоках этих идей, каналах рецепции, глубине адаптации и итоговой репрезентации речь пойдет во второй части статьи.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Агеева О.Г. Пётр I: у истоков российского имперства // Отечественная история. 2005. С. 5–12. [Ageeva O.G. Petr I: u istokov rossijskogo imperstva // Otechestvennaya istoriya. 2005. S. 5–12].
- Анисимов Е.В. «Шведская модель» с русской «особостью» // Звезда. 1995. № 1. С. 133–15. [Anisimov E.V. «Shvedskaya model» s russkoj «osobost'yu» // Zvezda. 1995. № 1. S. 133–150].
- Арпентьева М.Р. Практическое мышление // Б.М. Теплов и современное состояние дифференциальной психологии и дифференциальной психофизиологии / Под ред. М.К. Кабардова, А.К. Осницкого. М.: Перо, 2017. 417 с. [Arpent'eva M.R. Praktičeskoe myshlenie // B.M. Teplov i sovremennoe sostoyanie differencial'noj psihologii i differencial'noj psihofiziologii / Pod red. M.K. Kabardova, A.K. Osnickogo. M.: Pero, 2017. 417 s.].
- Баггер Х. Реформы Петра Великого в России // Царь Петр и король Карл: два правителя и их народы. М.: Текст, 1999. С. 121–155 [Bagger H. Reformy Petra Velikogo v Rossii // Car' Petr i korol' Karl: dva pravitelya i ih narody. M.: Tekst, 1999. S. 121–155].
- Богословский М.М. Петр Великий по его письмам // Богословский М.М. Российский XVIII век. Кн. I / Отв. ред. С.О. Шмидт; сост., подгот. текста, примеч. А.В. Мельникова. М.: Интелвак, 2008. С. 195–233 [Bogoslovskij M.M. Petr Velikij po ego pis'mam // Bogoslovskij M.M. Rossijskij XVIII vek. Kn. I / Otв. red. S.O. Shmidt; sost., podgot. teksta, primech. A.V. Mel'nikova. M.: Intelvak, 2008. S. 195–233].

³¹ Арпентьева 2017: 116.

³² Варенов 1997: 71–74.

³³ Панкратов 1997: 121.

- Буганов В.И. Петр Великий и его время. М.: Наука, 1989. 192 с. [Buganov V.I. Petr Velikij i ego vremya. M.: Nauka, 1989. 192 s.].
- Варенов А.В. Ситуационная модель: коммуникация событий или коммуникация отношений // Практическое мышление: специфика обобщения, природа вербализации и реализуемость знаний / Под ред. проф. Ю.К. Корнилова. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1997. С. 71–78 [Varenov A.V. Situacionnaya model': kommunikaciya sobytij ili kommunikaciya otnošenij // Prakticheskoe myshlenie: specifika obobshcheniya, priroda verbalizacii i realizuemost' znaniy / Pod red. prof. Yu.K. Kornilova. Yaroslavl', 1997. S. 71–78].
- Гайнуллина Н.И. Языковая личность Петра Великого (Опыт диахронического описания). Алматы: Казак университети, 2002. 139 [2] с. [Gajnullina N.I. Yazykovaya lichnost' Petra Velikogo (Opyt diahronicheskogo opisaniya). Almaty: Kazak universiteti, 2002. 139 [2] s.].
- Жмуров Б.А. Большой толковый словарь терминов по психиатрии. Элиста: Джангар, 2010. 863 [1] с. [Zhmurov B.A. Bol'shoj tolkovyj slovar' terminov po psihiatrii. Elista: Dzhangar, 2010. 863 [1] s.].
- Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3–8 [Karaulov Yu.N. Russkaya yazykovaya lichnost' i zadachi eyo izucheniya // Yazyk i lichnost'. M.: Nauka, 1989. S. 3–8].
- Корнилов Ю.К., Панкратов А.В. Практическое мышление как высшая психологическая функция // Практическое мышление: специфика обобщения, природа вербализации и реализуемость знаний / Под ред. проф. Ю.К. Корнилова. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1997. С. 9–20 [Kornilov Yu.K., Pankratov A.V. Prakticheskoe myshlenie kak vysshaya psihologicheskaya funkciya // Prakticheskoe myshlenie: specifika obobshcheniya, priroda verbalizacii i realizuemost' znaniy / Pod red. prof. Yu.K. Kornilova. Yaroslavl', 1997. S. 9–20].
- Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л.: Наука, 1973. 374 с. [Lupov S.P. Kniga v Rossii v pervoj chetverti XVIII veka. L.: Nauka, 1973. 374 s.].
- Матханова Н.П. Чиновники-интеллектуалы в Сибири XIX в. // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер.: История. 2018. Т. 25. С. 21–35. [Mathanova N.P. Chinovniki-intellektualy v Sibiri XIX v. // Izvestiya Irkutskogo gos. un-ta. Ser.: Istoriya. 2018. T. 25. S. 21–35.].
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. 944 с. [Ozhegov S.I., Shvedova N.YU. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. 4-e izd., dop. M.: ООО «ITI TEKHNologii», 2003. 944 s.].
- Павленко Н.И. Петр Великий. М.: Мысль, 1990. 591 с., ил. [Pavlenko N.I. Petr Velikij. M.: Mysl', 1990. 591 s., il.].
- Панкратов А.В. Субъектность как одно из свойств обобщений практического мышления // Практическое мышление: специфика обобщения, природа вербализации и реализуемость знаний / Под ред. проф. Ю.К. Корнилова. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1997. С. 98–126 [Pankratov A.V. Sub'ektnost' kak odno iz svoystv obobshchenij prakticheskogo myshleniya // Prakticheskoe myshlenie: specifika obobshcheniya, priroda verbalizacii i realizuemost' znaniy / Pod red. prof. Yu.K. Kornilova. Yaroslavl', 1997. S. 98–126].
- Редин Д.А. Проблемы организации государственного управления // Памятники российской права / Под ред. Р.Л. Хачатурова. В 35 т. Т. IV. Памятники права в период единодержавия Петра I. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 62–112 [Redin D.A. Problemy organizacii gosudarstvennogo upravleniya // Pamyatniki rossijskogo prava / Pod red. R.L. Hachaturova. V 35 t. T. IV. Pamyatniki prava v period edinoderzhaviya Petra I. M.: Yurilitinform, 2014. S. 62–112].
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI веков: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с. [Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vekov: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug, 2011. 560 s.].
- Ружицкая И.В. М.А. Корф: бюрократ или интеллигент? // Отечественная история. 2005. № 4. С. 38–44. [Ruzhickaya I.V. M.A. Korf: byurokrat ili intelligent? // Otechestvennaya istoriya. 2005. № 4. S. 38–44.].
- Ружицкая И.В. «Просвещенная бюрократия». 1800–1860-е гг. М.: Ин-т российской истории, 2009. 340 [1] с. [Ruzhickaya I.V. «Prosveshchennaya byurokratiya». 1800–1860-e gg. M.: In-t rossijskoj istorii, 2009. 340 [1] s.].
- Уортман Р.С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М.: НЛО, 2004. 515 [1] с. [Wortman R. S. Vlastiteli i sudii: razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoj Rossii. M.: NLO, 2004. 515 [1] s.].
- Успенский Б.А. Царь и Бог // Успенский Б.А. Избр. труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. С. 110–218. [Uspenskij B.A. Car' i Bog // Uspenskij B.A. Izbr.e trudy. T. I. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. M.: Gnozis, 1994. S. 110–218].

- Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. В 6 т. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1858. Т. 3. 660 с. [Ustryalov N.G. Istoriya carstvovaniya Petra Velikogo. V 6 t. SPb.: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoj E.I.V. Kancel'yarii, 1858. T. 3. 660 s.].
- Фадеева Л.А. Дискуссии об интеллектуалах в контексте политической истории Запада // Диалог со временем. 2012. № 41. С. 108–138. [Fadeeva L.A. Diskussii ob intellektualah v kontekste politicheskoy istorii Zapada // Dialog so vremenem. 2012. № 41. S. 108–138].
- Шмидт С.О. Многоотомное исследование академика М.М. Богословского «Петр Великий: материалы для биографии» // Богословский М.М. Петр Великий: материалы для биографии. В 6 т. Т. I. Детство. Юность. Азовские походы, 30 мая 1672 – 9 марта 1697 / Отв. ред. С.О. Шмидт; подгот. текста А.В. Мельников. М.: Наука, 2005. С. 414–431. [Shmidt S.O. Mnogotomnoe issledovanie akademika M.M. Bogoslovskogo «Petr Velikij: materialy dlya biografii» // Bogoslovskij M.M. Petr Velikij: materialy dlya biografii. V 6 t. T. I. Detstvo. Yunost'. Azovskie pohody, 30 maya 1672 – 9 marta 1697 / Otв. red. S.O. Shmidt; podgot. teksta A.V. Mel'nikov. M.: Nauka, 2005. S. 414–431.].
- Шубинский С.Н. Петр Великий в Дептфорде // Исторический вестник. 1888. Т. 34. С. 409–422 [Shubinskij S.N. Petr Velikij v Deptforde // Istoricheskij vestnik. 1888. T. 34. S. 409–422].

Редин Дмитрий Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, заведующий, лаборатория эдиционной археографии, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета; volot@mail.ru

Charm of “Regularity”: Once again about the “Mental State” of the Peter the Great

Part 1. Peter I: Intelligence and the psychology of thinking*

The study is devoted to the evolution of the views of Peter I on the problems of state and social development. In academic literature, the prevailing opinion is that the Russian tsar did not possess the ability to conceptual generalizations; but the first part of the article proves that he had sufficient intellectual potential for this kind of creativity. In the second part, the author of the article explains that Peter I did not have any general plan of reforms in the period from the 1690s to the end of the 1710s because that during these years the tsar did not pursue the goal of global transformations. The main object of his attention was the reform of the armed forces, and changes in the management system and organization of the economy were only a function of this reform. However, in the last years of his life, under the influence of the successes of military reform and his acquaintance with the vast and heterogeneous array of Western Renaissance and Baroque literature, the tsar developed a holistic and idealized view of the problems of state reform. The author of the article calls him the “mental” or “fancied” state of Peter the Great. It was not a theory of the state, but a certain concept of state building, based on a sufficiently deep and consistent assimilation by the tsar of the postulates of early European cameralism. He stated it in a series of personal decrees, charters and regulations of 1718–1724, which should be considered as the author’s mega-text of Peter. At the same time, this concept began to play the role of an idea of state, replacing the traditional idea of the building the holy kingdom for the Russian ruling elite. Not implemented during the life of the first Russian emperor, the conceptual provisions formulated by him became a program guide for state building and social development for a century ahead.

Keywords: Peter I, “mental state”, pragmatic thinking, concept, state building, state idea, public good, cameralism

Dmitry A. Redin, Dr. Sc. (Hist.), Prof., Department of Russian History, Head of the Laboratory of Primary Sources Research, Ural Humanitarian Institute of the Ural Federal University; volot@mail.ru

This article was prepared with the support of the RFBR grant No. 20-09-42022 ““The Mental State” of Peter the Great and experiments of regional administration. The first quarter of the XVIII century».